

ГЕРОЙ | 7

“Я — доброволец по жизни”

Участник СВО Андрей Григорьев о службе, о письмах детей, о единстве общества

ЗЕМЛЯК

Евгения СМЕРНОВА

■ Ещё полгода назад Андрей Григорьев был главой Верхнеуринского сельсовета, а сегодня он — участник СВО, и на потом отложены все важные для мирной жизни цели. О своём желании поехать в Донбасс Андрей Николаевич заявил сам, хотя и возраст уже под шестьдесят, и работы много — всё же за три поселения отвечает. Но такое наступило время в жизни страны...

Что меняется в человеке в экстремальной ситуации? Какова цена фейкам и разобщённости? Что приблизит нашу победу? Об этом рассуждает наш земляк, взявший в руки оружие. Разговор состоялся, когда Андрей Григорьев был дома в краткосрочном отпуске.

НИКАКИХ ДИВАННЫХ ЭКСПЕРТОВ!

— Андрей Николаевич, почему вы решили пойти добровольцем?

— Я — военный, а военных бывших не бывает, своё воинское мастерство ты всю жизнь тренируешь, шлифуешь, приобретаешь и передаёшь. Мне многие говорили: мол, куда ты едешь, тебе столько лет, болячки всякие. Я отвечал: чем смогу, тем помогу.

Я — доброволец по жизни! Вот сейчас приехал домой, представители районной власти меня встретили, все же волнуются, переживают: как там, на фронте? Я на них посмотрел и говорю: “Ребята, здесь намного сложнее, чем там! У меня голова сейчас светлая, я приехал оттуда, где нет ни телевизора, ни интернета, никаких скамеечек, на которых бы мы что-то обсуждали, каждый по-своему. У меня сейчас есть чёткое понимание, что мы там делаем, за что воюем против всего Запада, против всего НАТО”.

Важно, чтобы общество наше стало единым. Чем быстрее народ здесь поймёт, как всё на деле обстоит, насколько всё серьезно, тем легче там будет, когда почувствуем стопроцентную поддержку тех, кто за твоей спиной остался. А когда встречаешь людей инертных, недопонимающих, задающих вопрос, зачем мы туда полезли... Много у нас диванных экспертов, мне даже отвечать не хочется, честно!

— Подарки из дома, посылки, письма. Насколько

важно для бойцов получить из Сибири весточки из дома?

— Очень важно! Так сложилось, что мы с самого первого дня оказались на линии боевого соприкосновения. Там нет магазинов, а до второй-третьей линии обороны очень далеко. О доставке тех же продуктов нам сообщают по рации. Всё нужно — мёд, например. Министерство обороны не будет, извините, заниматься зубными щётками или ещё чем-то, а ведь это всё тоже нужно, вплоть до спичек, свечей...

Очень дороги письма. У нас замполит — лесосибирский, Дима. Как-то мы получили письма от детей из Лесосибирска. Честно, я читаю — плачу, и Димка тоже сопли распустил. Я говорю: давай бери телефон и передавай пофамильно, чтобы дети понимали: письма доходят! Мы получаем их из разных районов Красноярского края.

За доставку гуманитарной помощи, уверен, людей награждать надо. За смелость. Из Красноярска эти грузы наряду с другими волонтерами Максим Бабин возит. А знаете, что значит приехать в Кременную, где днём-ночью летит-взрывается? Может, и не надо так рисковать, наша рота — на линии соприкосновения, но даже нас отлично обеспечивают, мы не нуждаемся.

Отдельное спасибо краевому партийному центру “Единой России” по сбору гуманитарной помощи, он тоже регулярно снабжает фронт огромными объёмами всего необходимого. Я во время отпуска заехал на партийный склад, переговорил с руководителем центра Ириной Александровной Рычковой, поблагодарил за поддержку. Она лично знакома с нашим сибирским замполитом. В разговоре упомянул, что нам сейчас очень необходима машина УАЗ. И вы не поверите, с её помощью вопрос очень быстро решился. Буквально через два дня мы приобрели машину, я договорился о её доставке на место с ребятами, которые туда как раз выезжать собирались. УАЗ 6/у, но двигатель там новый, всего две тысячи километров пробега.

КРАСНОЯРСКАЯ РОТА

— А вы по доброй воле попали сразу на первую линию?

— Мы все туда рвёмся, и даже те, кто сейчас только ожидает, проходит подготовку где-то в России. Мы как-то заехали в одно такое подразделение, где ребята обучают. Они давай спрашивать, говорить, что замучились ждать, что долго их держат на подготовке, — такой порыв!

Фото: личный архив Андрея Григорьева

Я не знаю, специально, что ли, разгоняют в интернете идеи, что бойцы бегут с передовой. Вот я в бригаде самый старый по возрасту, по приказу минобороны могу в любой день написать рапорт и уйти. Мне шестой десяток, а возрастной предел — 50, но я не уйду, никто из наших не уйдёт!

— Много наёмников воюет с нами?

— Мы воюем со всем НАТО, со всем Западом. Это специальная военная операция, не принято её называть войной, но я вам заявляю ответственно: по духу это как отечественная война.

— Что касается боеприпасов — имеет ли место снарядный голод?

— Эти “мульки” тоже повсеместно разгоняют. Могу сказать, что мы точно не “голодаем”. По крайней мере, в нашей зоне ответственности нигде этого не слышал.

Я нахожусь на Сватово-Кременном участке. И за всё время пребывания там было всего два часа тишины, когда не стреляли ни мы, ни противники. Это было 21 февраля, президент наш выступал. Они, оказывается, тоже слушали. Противников больше, чем нас, раз в пять, но мы их бьём. А говорите — снарядный голод!

— Какой настрой у ваших сослуживцев?

— Такой же, как у меня. Пessimистов у нас нет. На подготовке нас было 94 человека, зашли в зону действий боевых — 89, и то по той только причине, что было несколько заболевших, ребят комиссовали.

— Медикаменты, которые приходят в посылках, нужны вам?

— Конечно! Есть же и обычные болячки — насморк, кашель, температура, голова заболела, ещё что-то. Тут и приносятся лекарства из посылок. Ну где мы там какие аптеки найдём? Или вот контузии... Ребята день-два отключаются и идут в бой.

Не поверите, у нас парень из Богучан — с четырьмя контузиями, мы с горем пополам его уговорили в госпиталь отправиться. Полежал там пять дней и сбежал назад. Серёжка, старшина из Канска — герой! 16 осколков собрал на себя. Неделю пробыл в госпитале, ему положен отпуск, а он в подразделение вернулся.

Нашу Красноярскую роту называют матерщинным словом “сумасшедшие”. А почему? Комбриг говорит: “Они ходят туда, куда не ходит никто! Нам ставят задачу, мы её выполняем. Земляков много по всему фронту, но именно как подразделение Красноярская рота — одна. Мы гордимся, что в наше боевое подразделение просился...”

Отмечу, что у нас сухой закон. Нарушил правило — уходишь из роты. Пьяный человек на службе рискует жизнью, и из-за него кто-то ещё пострадать может.

СЛУЧАЙНЫХ ЛЮДЕЙ НЕТ

— Как семья восприняла ваше решение участвовать в СВО?

— У меня четверо детей, трое внуков. Моя жена говорит: “Ты меня всю жизнь в тонусе держишь!” Когда я был главой, это было единственное спокойное время в её жизни, хотя всё у меня и там бурлило. Но моя супруга — жена военного, она всё понимает. К слову, из нашего муниципалитета на фронт ушли только я и мой племянник.

Когда у нас с ребятами прошло время съездить в отпуск, мы сначала хотели сделать родным сюрприз. Но потом передумали. Я сказал товарищам: “Звоните домой, пусть хотя бы эти несколько дней, пока добиремся, близкие будут спокойны за вас”. На перроне вокзала меня вся семья ждала. Все мои дочки, внуки, зятя, невестки, племянники. Пассажиры были в шоке. Поезд шёл до Улан-Удэ, две проводницы, наблюдая за нашей встречей, плакали.

Мы победим в этом сражении, чего бы это ни стоило. Это не пафосные слова. В зоне СВО нет лишних, случайных людей. Мы очень гордимся тем, что нас никто не называет “мобики”, то есть мобилизованные, или как-то ещё. Такое уважение к нам, парням-красноярцам.

— Ваша семья получила меры поддержки?

— Да, и за это огромное спасибо! Я не слышал, чтобы кто-либо из нашего подразделения говорил, что кому-то что-то недодали или помощь не оказали. Машина дров или угля для жителей села — это важно. Нас очень хорошо поддерживают. По крайней мере, в Красноярском крае. Я когда уезжал с призывного пункта, то даже губернатору просил передать спасибо. Каждому из нас дали целый короб самых нужных вещей, лекарств, одежды, натурального белья.

Хочу поблагодарить земляков за поддержку. И призываю всех держаться вместе, проявить солидарность. Не то сейчас время, чтобы выяснять отношения, поддаваться негативу. Противнику только этого и надо — разобщения нашего народа. Прекратите верить слухам, разговорам. Мы там работаем! Нам легче тогда, когда понимаем: у нас дома — в России, в крае, в районе — всё хорошо. И когда мы ощущаем поддержку. И знайте главное — Победа будет за нами!